

Вальтер Флекс

СТРАННИК МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

Случай на войне

Вальтер Флекс

Странник между двумя мирами. Случай на войне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651050

ISBN 9785005027894

Аннотация

Эта книга – автобиографическое повествование о дружбе двух молодых людей – добровольцев времен Первой мировой войны, – с ее радостью и неизбежным страданием. Поэзия и проза, война и мирная жизнь, вдохновляющее единство и мучительное одиночество, солнечная весна и безотрадная осень, быстротечная яркая жизнь и жадная смерть – между этими мирами странствует автор вместе со своим другом, и это путешествие не закончится никогда, пока есть люди, безразличные к понятиям «честь», «отечество» и «вера».

Странник между двумя мирами Случай на войне

Вальтер Флекс

Переводчик Екатерина Дмитриевна Соколова

© Вальтер Флекс, 2019

© Екатерина Дмитриевна Соколова, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-2789-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Странник между двумя мирами»

Случай на войне

Посвящается памяти моего дорогого друга

Эрнста Вурхе,

Добровольца 3-го нижнесилезского пех. полка №50,

Лейтенанта 3-го нижнеэльзасского пех. полка №138

«На поэзии основывается устойчивость престолов»,

Гнейзенау

Бурная ночь царила ранней весной в израненных войной лиственных лесах французской Лотарингии, там, где град пуль за долгие месяцы успел искалечить ствол каждого дерева. Я, будучи добровольцем, лежал на посту, как и сотню ночей до этого, на лесной опушке и смотрел обожженными ветром глазами на мерцание грозовой ночи, сквозь которую беспокойные фонари рыскали над французскими и немецкими окопами. Шум ночной грозы нарастал надо мной ударами прибоя. Чужие голоса наполнили дрожащий воздух. Над шипами шлемов и стволами винтовок раздался режущий ухо свист, резкий и стонающий, и высоко над полчищами противников, которые скрывались друг от друга в темноте, на север с пронзительным криком пролетела стая мигрирующих диких гусей.

Мерцающий и угасающий свет блуждающих по небу сигнальных ракет снова и снова внезапно вспыхивал, освещая комковатые очертания сидящих на корточках фигур людей, укутанных, так же, как и я, в шинели и брезент. Цепочка дозорных прижалась к впадинам в земле и известковым ямам перед нашими проволочными заграждениями. Эта цепь часовых нашего силезского полка тянулась от леса Буа-де-Шевалье (Bois des Chevaliers) до Буа-де-Верин (Bois de Vérines), и странствующая рать диких гусей, словно призрак, пролетела над всеми нами. Не различая в темноте строк, которые наезжали друг на друга, я написал на клочке бумаги несколь-

ко строф:

Летит гусей большая рать,
Кричат шальные птицы.
Не спать, стоять! Пора понять:
Повсюду смерть таится.

Эскадра гордо мчит вперёд,
Весь мир окутан тьмою.
Лишь рассветет, нас позовёт
Звук яростного боя.

Поторопись, на север мчись
На крыльях цвета стали!
Мы устремляем взоры ввысь,
Но что же станет с нами?

Мы, как и вы, – стальная рать,
Должны свой край оставить.
И если не придём опять,
Почтите нашу память!

Пока я писал это в Буа-де-Шевалье, в лесу Буа-де-Верин находился на посту двадцатилетний студент-теолог, такой же доброволец, как и я. Тогда мы еще ничего не знали друг о друге. Однако, когда он, месяцы спустя, нашел эти стихи в моих военных дневниках, он отчетливо вспомнил эту ночь и стаю странствующих гусей, которая пронеслась тогда над

нами. Мы оба смотрели на нее, думая об одном и том же. И нам обоим в этот самый час явился пеший связной с приказом объявиться в полночь перед полковой канцелярией готовыми к маршу. Уставшим, но все еще на удивление ясным взором мы на спуске созерцали меланхоличную красоту серых и голых склонов и впадин, чья известковая бледность в лунном свете казалась мертвенной, чуждой и тяжелой, и обзоредали серое, мрачное одиночество разрушенных обстрелами и покинутых каменных хижин...

В полковой канцелярии мы узнали, что нас на заре вместе с двадцатью другими добровольцами направят в Германию, чтобы мы прошли офицерскую подготовку в позенском лагере на Варте.

На крутой деревенской улице, между разрушенной гранатами церковью и домом пастора с его солдатскими могилами – здесь на заре следующего дня наш небольшой отряд начал свой путь. Одновременно это место должен был покинуть отряд профессиональных убийц, которые оставляли воинскую часть, чтобы найти себе применение на родине. Когда мы стройными рядами стояли перед домом пастора, вышел майор и выкрикнул нам издали: «Это вы мясники, парни?», и ему отозвался целый хор как оскорбленных, так и радостных голосов: «Нет, господин майор, мы кандидаты в офицеры!» Пока майор, пройдя мимо нашей серой стай-

ки, что-то сердито бормоча, продолжал искать своих мясников, мое внимание внезапно привлекла пара прекрасных светло-серых глаз. Это были глаза человека, который стоял рядом со мной, и они были до краев полны радостного смеха. Мы посмотрели друг на друга и познакомились, радуясь одному из тех маленьких безобидно-забавных происшествий, которыми была богата наша жизнь добровольцев. Удивительно, какие ясные глаза у этого юноши! – подумал я, и, как только полковой писарь вызвал его на переключке, отметил про себя его имя. «Эрнст Вурхе». «Здесь!» Ну, подумал я, как прекрасно, что у нас с тобой один путь...

Несколько часов спустя наша небольшая группа спустилась с высот Кот Лорен (Côtes Lorraines), которые были омыты потоками крови героев, с Атоншатель (Hâtonchatel) в направлении Виньель (Vigneulles). Крутой спуск и свежий воздух, напоенный росой и солнцем, заставили нас, даже не замечая этого, поднять головы, и вскоре над нашей серой стайкой кружила и развевалась, подобно яркому веселому флагу, песня.

«Вперед, как воздух свеж и чист!
Нельзя сидеть без дела.
Нам самый яркий солнца луч
Сегодня дарит небо!»

Как давно не пели эту песню! Кто начал ее петь? У юного

студента рядом со мной голос был так же красив и чист, как и его глаза. Кто так славно поет, с тем хорошо будет поболтать, подумалось мне, пока он беззаботно предавался только что пробудившейся в нем радости от путешествия, изливая ее в своей песне...

Все круче и круче спускающаяся дорога упиралась в широкую лотарингскую равнину. На резком повороте она внезапно заставила нас обратить свой взгляд назад и наверх, туда, где в утренней заре и тумане купалась церковь Атоншатель. Из ее готического убранства молодое солнце просачивалось ввысь, к разрушенным обстрелами домам, стоявшим вокруг, и к горному кладбищу, через серые стены которого стремилась наружу жизнь. Она пробивалась наружу кустами свежей зелени с сотнями тонких веточек, среди которых серебрилась дереза и висели набухающие сережки лещины. Чем ниже мы спускались, тем выше и величественнее поднимались над долиной и мокрыми от росы виноградными склонами, упиваясь все более ярким солнцем, руины церкви Атоншатель. Воистину, это была божья крепость, перед которой вверх и вниз простиралась плодородная земля, подобно тому, как ковер для молитвы простирается перед толпами паломников.

Возможно, без двадцатилетнего товарища рядом со мной все представилось бы мне совершенно иначе. Он уже не пел,

а полностью погрузился в ходьбу и созерцание. Сочетающиеся в нем упрямство и покорность, его изящество только украшали осанку подтянутого тела юноши, его стройность и силу, гордо запрокинутый затылок и своенравную красоту рта и подбородка. Его походка представляла собой пружинящую, самодостаточную и непринужденно приводимую в движение внутреннюю силу. У него была манера ходьбы, которую принято называть «поступью» – это была спокойная и гордая поступь, которая в часы опасности становилась даже надменной. Походка этого человека могла быть игрой, борьбой или богослужением, в зависимости от часа. Она была благоговением и радостью. Когда статный, прекрасный человек в поношенном сером мундире подобно паломнику спускался с горы, его ясные серые глаза были полны блеска и стремления к цели, и он всем своим обликом напоминал Заратустру, спускающегося с вершин, или странника Гете. Солнце играло в мелкой известковой пыли, которую поднимали его и наши ноги, и казалось, что светлые камни горной дороги звенели у него под подошвами...

Его походка была волей и радостью. Он шел из прошлого в будущее, после долгих лет учения он постепенно становился мастером. За ним исчезали горы, где он киркой и лопатой рыл окопы, и лесные деревья, бревна которых весом с центнер он часами носил на своих послушных и трудолюбивых плечах. За нам скрывались деревни, улицы которых он уби-

рал совком и граблями, и окопы, в которых он ночью и днем стоял на посту. Назад уходили ямы и блиндажи, в которых он столько месяцев водил дружбу с ремесленниками, рабочими заводов и польскими крестьянами. Он шесть месяцев подряд носил серый мундир без пуговиц и галунов, при этом ничего не получая за самую черную работу, за которую он брался. Теперь же он спускался с гор, чтобы вести за собой других. Однако он не отбросил свое прошлое, как поношенный мундир, но хранил его с собою, как тайное сокровище. Он шесть месяцев подряд служил ради спасения души своего народа, души, о которой все говорят, ничего об этом не зная. Только тому, кто смело и смиренно понесет на себе бремя нужды многих людей, разделит с ними их радости и опасности, выстрадает вместе с ними голод и жажду, холод и бессонницу, грязь и вредителей, опасности и болезни, – только этому человеку народ откроет потайные комнаты, кладовые и сокровищницы своей души. Тот, кто своим ясным и добрым взором окинет эти потайные комнаты, кто пройдет через них, тот призван быть лидером народа. Храня это знание в уме и сердце своем, молодой доброволец спускался с лотарингских гор, чтобы возглавить свой народ и помочь ему. Об этом говорил его шаг. Люди могут лгать и притворяться кем угодно, но взор, голос и поступь человека с сильной и чистой душой нельзя изобразить намеренно. Хотя я еще не обмолвился ни словом с юным студентом, но моему сердцу уже стали по-дружески близки его взгляд, голос и походка.

Мы заговорили друг с другом в железнодорожном вагоне. Он сел напротив меня и достал из ранца стопку зачитанных до дыр книг: томик Гете, Заратустру и полевое издание Нового Завета. «И что, они все уживаются между собой?» – спросил я. Он посмотрел на меня умным и уже не таким воинственным взглядом. Потом он засмеялся. «В окопе даже самым разным умам пришлось подружиться. Книги в этом отношении ничем не отличаются от людей. Они могут быть настолько разными, как им вздумается – они должны быть только сильными и честными и уметь утверждать себя, в этом залог лучшей на свете дружбы». Я листал, не отвечая, его сборник стихов Гете. Другой товарищ посмотрел на нас и сказал: «Когда я уходил на фронт, я тоже положил себе в ранец эту книгу, но разве здесь когда-нибудь находится время, чтобы читать?» «Когда мало времени на чтение», – сказал юный студент, – «в этом случае нужно учить наизусть. Этой зимой я выучил наизусть семьдесят стихотворений Гете. Теперь эти стихи всегда со мной, когда мне этого захочется». Он говорил легко и свободно, в его словах совершенно не было налета самолюбования и учительского тона, но его непосредственная и уверенная манера говорить о важных и глубоких вещах невольно заставляла всех слушать его. Его слова были такими же ясными, как и его глаза, и по каждой живой и честной фразе можно было видеть, какое дитя разума говорило с нами.

Разговоры в железнодорожном вагоне коснулись задач на ближайшее будущее. Нам предстоял период обучения. Обсуждали все то, что мы должны были усвоить за короткое время – кому-то это показалось слишком много, кому-то слишком мало. «Командиру взвода не обязательно быть стратегом» – утверждал один. «Быть лейтенантом – это значит умереть ради твоих людей. Если ты настоящий мужчина, тебе нужно будет научиться лишь немногому, это дело техники». Тот, кто говорил так, был честен, и он некоторое время спустя сдержал свое слово в Царстве Польском* (прим. пер.: территория в составе Российской империи), однако его неуклюжая и вспыльчивая манера речи часто заставляла его говорить не к месту громкие слова, что часто при всем его красноречии делало его жертвой дружеских насмешек. И сейчас его слова упали тяжелым камнем посреди непринужденного разговора. Но Эрнст Вурхе без труда поднял камень, и в его руках он превратился в хрусталь. «Быть лейтенантом это значит подавать пример своим людям» – сказал он. «И смерть – всего лишь часть этого. Показать своим людям, как нужно умереть – это умеют многие, и то „*Non dolet*“* (прим. пер.: лат. „не больно“), которым римская женщина показывала своему нерешительному супругу, какой прекрасной и легкой бывает смерть, эта фраза подходит мужчине и офицеру еще больше. Но все же лучше подавать пример своей жизнью, а не только смертью. Это и тяжелее.

Совместная жизнь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.